

РЕЦЕНЗИИ

Артем Кравченко

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: HISTORICAL AND CULTURAL TRANSFORMATION OF RUSSIAN CHILDHOOD. MYTHS AND REALITIES. ED. BY M. BALINA, L. RUDOVA, A. KOSTETSKAYA. N. Y., L.: ROUTLEDGE, 2023

Новая книга «Историческая и культурная трансформация российского детства. Мифы и реалии», вышедшая под редакцией М. Балиной, Л. Рудовой и А. Костецкой, является коллективным исследованием представлений о детстве, а также идей и практик, связанных с ним, в период в конце XIX в. по первые десятилетия XXI в. Настоящая рецензия описывает общий характер организации текста и некоторые тезисы отдельных глав книги. Рецензия так же обозначает проблемные исследовательские поля, затрагиваемые изданием в целом.

Ключевые слова: концепции детства, культура детства, детская литература, российское детство, советское детство, детство в современной России

Можно найти не так много категорий, которые были бы связаны с процессами модерности так же глубоко и многогранно, как «детство». Во всяком случае, если речь идет о российской/советской истории последней сотни с лишним лет. Соответственно, и стремление «понять детство как проект модерности, связующее звено современности»¹ [Historical 2023, 4], заявленное в начале книги, является поистине амбициозной и важной задачей.

Книга структурирована в целом в проблемно-хронологической логике и состоит из введения и четырех разделов («Мифы и реалии

Артем Владимирович Кравченко

Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва

artemioskravchenko@gmail.com

российского детства», «Революционные изменения», «Нарративы травмы» и «Смены парадигм российского детства»²). Впрочем, разделы скорее намечают важные линии напряжения, чем дробят книгу на автономные части. Для большинства читателей важнее, вероятно, окажется разделение текста на двенадцать авторских глав, каждая из которых является отдельным исследованием. Соответственно, издание относится к такого рода работам, которые вполне можно читать, следуя собственной логике и меняя последовательность частей и глав, — общая картина, предлагаемая книгой, все равно сможет выстроиться. Книга не предлагает последовательной концепции, но во многих местах уточняет, нюансирует и усложняет картину процесса трансформации детства как концепта и культурного конструкта. Например, С. Маслинская в своей главе показывает, как в период 1928–39 гг. у целого ряда советских писателей путешествующий ребенок, представленный в прозаических текстах, впервые начинает описывать собственные впечатления и видение мира [Historical 2023, 50]. Важным для представления о новых формах восприятия и концептуализации детства в пост-сталинском СССР кажется и глава М. Майофис, которая посвящена двум примерам универсалистских концепций детства, созданным советскими шестидесятниками (А. Шаровым и А. Асарканом).

При этом (несмотря на некоторую дробность) общая картина в книге, несомненно, все же есть — это эклектичный и прерывистый, но при этом объемный и тонкий образ тех трансформаций в восприятии и интерпретации детства, которые происходили в рассматриваемый период, т.е. с конца XIX в. до наших дней. При этом сложно сказать, насколько возникающая общая картина прорастает из заранее сформулированной модели составителей книги, а насколько является результатом того интуитивного синтеза, который возникает при чтении составляющих ее глав-исследований (уровень их, без сомнения, очень высок).

В любом случае читатель, кажется, имеет дело с ситуацией, когда, чтобы понять всю ценность вышедшего издания, важно смотреть на него из перспективы сложившегося к настоящему моменту историографического контекста (благо общий его контур обозначен во введении к книге). И здесь важнейшим текстом, становящимся предшественником/оппонентом/опорой нового издания оказывается фундаментальная монография К. Келли «Children's World: growing up in Russia, 1890–1991» [Kelly 2007]. Неслучайно на нее регулярно ссылаются в разных главах, а введение указывает на то, что авторы книги «последовали по стопам» К. Келли³ [Historical

2023, 4]. Это, разумеется, не означает, что новое издание следует аргументации британской исследовательницы или ее основным тезисам — скорее лишь то, что схожим образом выстроена сама логика рассмотрения представлений о детстве в рамках периода модерности, рассмотрение ее от эпохи *fin de siècle* на последующее столетие (или столетие с лишним). И здесь методологическое разнообразие книги оказывается вполне уместным, поскольку позволяет в существенной степени разнообразить и усложнить ту картину детства в этот длинный период, которая намечена к настоящему моменту. Дробность книги позволяет более отчетливо увидеть и дробность трансформаций периода, рассматриваемого в издании. Как отмечено во введении, книга содержит примеры, «которые либо подтверждают, либо нарушают преемственность, указанную Келли»⁴ [Historical 2023, 5].

Беря издание в руки, также стоит иметь в виду, что в заявленной в заглавии дихотомии «миф и реалии»⁵ приоритет скорее оказывается у первой категории. Это не значит, что тексты книги сосредоточены исключительно на изучении детства как концепции или детства как культурного конструкта, но это означает, что реалий и условий детства авторы чаще всего касаются через анализ идеологических и культурных контекстов. То есть речь идет о том, что мы видим реальность детства через деконструкцию и уточнение идеологических контекстов или культурных моделей. Так, Б. Б. Пристед через анализ детской стенной газеты «Вперед!» (создаваемой в ясно заданных идеологических рамках) показывает, как в условиях военного времени, стенгаз не только отражал «сложности детства в эвакуации», но и становился для детей способом «украсить, обустроить и обжить незнакомое пространство»⁶ [Historical 2023, 171].

Особый интерес представляет последний раздел книги, который направлен на рефлексию детства в российском обществе уже XXI в. и содержит акцент на связях происходящего в это время с предшествующими историческими и культурными контекстами. При этом, кажется, именно советский опыт чаще всего оказывается тем, через что определяют современные особенности восприятия российского детства. Так, в главе, посвященной прозе о современном российском детстве (тяготеющей к «морально-магической экзальтации»⁷ [Historical 2023, 252]), М. Шварц указывает на ее отличие именно от «официального советского дискурса»⁸ [Historical 2023, 251]. В главе Е. Прохоровой и А. Прохорова, посвященной репрезентации детства в российской телесериальной продукции, при анализе

телесериала «Ольга» авторам оказывается важным указать на произошедший в нем «отчетливый отход от условностей советского школьного фильма»⁹ [Historical 2023, 232]. Впрочем, в последней главе раздела И. Кукулин, анализируя милитаризацию политики детства и реакцию на нее в российском обществе 2010 — начала 2020-х гг., кажется стремится максимально широко выстраивать сравнительную перспективу. Так, он не только выдвигает тезис о том, что фигура ребенка в современной российской массовой культуре возможно даже более сакрализована, чем в советской культуре 1930-х гг. («хотя и в иной модальности»¹⁰ [Historical 2023, 269]), но и, говоря о «разрастающемся скрытом межпоколенческом конфликте»¹¹ [Historical 2023, 273], указывает на принципиальное его отличие не только от социального напряжения подобного рода в советские 1960-е гг., но и от происходившего в имперские 1860-е гг. Особенности сравнительной перспективы в последней части книги подталкивают читателя к раздумьям над вопросом, которому, как мне кажется, неизбежно предстоит оставаться одним из центральных в рассуждениях не только о российском детстве первых десятилетий XXI в., но и в целом об эволюции модерности в России — какая культура и какой опыт прежде всего должны становиться объектом сравнения, поиска аналогий и истоков для российского общества и его эволюции?

Если же вернуться к тому, как книга в целом обрисовывает и проблематизирует тот довольно длинный хронологический период, которому она посвящена, можно обратить внимание на то, что в какой бы последовательности читатель не двигался по главам и частям издания, ему сложно будет не заметить, с какой регулярностью в фокус анализа авторов книги попадает военный и милитаристский аспекты детства. Речь может идти о формах милитаризации детской культуры (как в главе А. Костецкой о повести В. Катаева «Белеет парус одинокий» и ее экранизации). О процессе культурной адаптации детей к ситуации войны (как в главе Б. Б. Пристед об опыте создания стенных газет в эвакуации). Или о том, как детский опыт столкновения с войной не может быть до конца преодолен (как в главе С. А. Ушакина о фильме «Подранки»). Но так или иначе война постоянно и в разных формах возникает на страницах книги — идет ли речь об опыте детства или о том, как это детство наполняется и воображается. Роль ее в том детстве, которое обрисовывает книга в целом, очевидно велика. Кажется, она ощущается в издании как заметно более отчетливый и частый акцент, чем, например, в названной выше фундаментальной работе К. Келли. Насколько

же это — следствие того трагического военного контекста, в котором суждено было появиться новому изданию, а насколько — отражение масштаба милитаризации советского и российского детства в эпоху модерности в целом? Из сегодняшнего дня разобраться в этом будет сложно. Но сам вопрос этот неизбежно встанет перед исследователями в обозримом будущем. Здесь, впрочем, позволю себе выразить надежду, что с течением времени вопрос милитаризации российского детства и детского опыта имеет шанс перейти в однозначно историческую плоскость. Из сегодняшнего момента перспектива эта может казаться совсем уж туманной. Но все же, даже читая последнюю главу книги о современных тенденциях милитаризации политики детства, стоит обратить внимание на то, что возникающий в обществе на фоне этой политики конфликт хотя, по мнению И. Кукулина, и «не приведет к обновлению прежних парадигм развития общества» [Historical 2023, 273], но все же может породить эффект, который окажет влияние уже «на следующем историческом отрезке»¹² [Historical 2023, 273]. Кажется, и читателю стоит помнить, что хотя обстоятельства детства и представления о нем подвижны и изменчивы, их изменения почти всегда занимают длительное время. И это — еще один повод сказать, что более чем столетние хронологические рамки книги оправданы.

Примечания

- ¹ «To understand childhood as a project of modernity, a nexus of modern history».
- ² Myths and Realities of Russian Childhood, Revolutionary Changes, Narratives of Trauma, Shifting Paradigms of Russian Childhood.
- ³ «The contributors have followed in the footsteps of Catriona Kelly».
- ⁴ «Either corroborate or disrupt the continuity pinpointed by Kelly».
- ⁵ «Myths and realities».
- ⁶ «The tension of evacuee childhood», «to decorate, design, and inhabit an unknown space».
- ⁷ «Moral-magical exaltation».
- ⁸ «Official Soviet discourse».
- ⁹ «Clear departure from conventions of Soviet school film».
- ¹⁰ «Albeit in different modality».
- ¹¹ «Growing latent intergenerational conflict».
- ¹² «Such a conflict will presumably not lead to a renewal of previous paradigms of social development but rather have a delayed effect that may be expressed already in the next historical stage».

*Литература**Источники*

Kelly 2007 — Kelly C. (2007) *Children's world : growing up in Russia, 1890–1991*. L.: Yale university press.

Historical 2023 — *Historical and Cultural Transformation of Russian Childhood (2023). Myths and Realities*. Ed. by M. Balina, L. Rudova, A. Kostetskaya. N. Y., L.: Routledge.

Artem Kravchenko

The Moscow School of Social and Economic Sciences (Shaninka);

ORCID: 0000-0003-4899-0106

BOOK REVIEW: HISTORICAL AND CULTURAL
TRANSFORMATION OF RUSSIAN CHILDHOOD. MYTHS AND
REALITIES. ED. BY M. BALINA, L. RUDOVA, A. KOSTETSKAYA.
N. Y., L.: ROUTLEDGE, 2023

The book review is for “Historical and Cultural Transformation of Russian Childhood. Myths and Realities” edited by M. Balina, L. Rudova, and A. Kostetskaya. This collective study explores the ideas and practices associated with childhood in Russia from the late 19th century to the first decades of the 21st century. This review provides an overview of the book’s organization and highlights some theses of individual chapters. Additionally, the review identifies problematic research fields addressed in the publication.

Keywords: the concept of childhood, the culture of childhood, children’s literature, Russian childhood, Soviet childhood, childhood in contemporary Russia